

Ренет Рай

Девятнадцать причин не смотреть на него

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ренет Рай

**Девятнадцать причин
не смотреть на него**

«Автор»

2026

Рай Р.

Девятнадцать причин не смотреть на него / Р. Рай — «Автор»,
2026

Кэсси Линч — новенькая, которая терпеть не может шум и чужие легенды. Джейс Рид — звезда колледжа, номер 19, привыкший к овациям. Они друг друга на дух не переносят: она считает его напыщенным, он её — холодной и высокомерной. И вот судьба зло шутит: их случайно запирают в тесном школьном гардеробе, где пахнет старой формой и пылью, а снаружи — гул коридора и смех. В замкнутом пространстве колкости звучат резче, тишина давит, а сбежать некуда. Но именно здесь, среди вешалок и полумрака, за враждой вдруг проступает что-то другое — усталость, правда и способность услышать друг друга

© Рай Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Первый день.	5
Глава 2. Девятнадцать причин не смотреть на него.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ренет Рай

Девятнадцать причин не смотреть на него

Глава 1. Первый день.

Я стою у входа в Havenbrook и делаю вид, что поправляю лямку рюкзака. На самом деле я просто тяну время. Ещё минута здесь, на ступеньках, где солнце греет бетон, а ветер пахнет пылью и бензином с дороги, — и я смогу убедить себя, что всё нормально. Что я не чужая. Что мне тут можно.

Но это не работает.

Havenbrook — не та школа, где ты можешь быть «просто новенькой». Тут новенькие либо сразу становятся темой для сплетен, либо растворяются в чужих ролях. А я не хочу ни того, ни другого. Я хочу быть незаметной. Хочу, чтобы на меня не показывали пальцем и не спрашивали: «А ты откуда? А почему перевелась?»

Я делаю шаг вперёд. Потом ещё один. И вот я уже внутри, в вестибюле, где пахнет старым лаком, дешёвым освежителем и чем-то неуловимо школьным — будто запах учебников и нервов впитался в стены.

Вокруг — шум. Смех, крики, хлопанье дверей, чьи-то споры, музыка из чьего-то телефона. Всё слишком громко, слишком быстро, слишком чужое. Я сжимаю лямку рюкзака чуть сильнее, будто он может удержать меня на месте, не дать улететь в эту круговерть.

В кармане вибрирует телефон. Сообщение от мамы: *«Ты там? Всё хорошо? Напиши, как дойдёшь до кабинета директора»*. Я смотрю на экран и не отвечаю сразу. Не потому что злюсь, а потому что если я сейчас напишу «да, я тут», это станет правдой. А пока я не ответила — я всё ещё где-то между: между старой школой и новой, между «я справлюсь» и «я боюсь».

Мама всегда переживает. Слишком. Она из тех людей, которые не могут просто сказать «удачи», им обязательно нужно добавить: «Только не волнуйся», «Не переживай», «Всё будет хорошо». И от этого становится только хуже, потому что эти слова звучат как предупреждение: «Ты будешь волноваться. Ты будешь переживать. Но я буду повторять, что всё хорошо, чтобы ты не сломалась».

Папа другой. Он не пишет. Он вообще не любит слова, особенно когда они про чувства. Его способ поддержки — молчаливо стоять рядом, пока ты собираешься, и кивать, когда ты говоришь «я пойду». В день переезда он просто поставил мою коробку у двери и сказал: «Если что — я тут». И этого хватило. Не потому что это много, а потому что это честно.

Я наконец пишу маме: *«Дошла. Всё ок. Сейчас к директору»*. И сразу чувствую, как плечи чуть опускаются. Маленькая ложь, которая помогает дышать.

Кабинет директора оказывается в конце длинного коридора, где свет слишком яркий, а тени слишком резкие. Я стучу, слышу «войдите» и открываю дверь.

Дальше идёт стандартная процедура: бумаги, расписание, карта школы, правила. Директор, миссис Харрис, говорит всё это быстро, будто заучила наизусть, но при этом смотрит на меня так, будто я — не просто строчка в списке, а живой человек. Это неожиданно. Обычно на новеньких смотрят как на проблему: «Что с ней делать? Как вписать?» А миссис Харрис смотрит как будто с интересом.

— Ты перевелась к нам в середине года, — говорит она, откладывая ручку. — Это непросто. Если будут сложности — не стесняйся приходить. Даже если кажется, что проблема маленькая.

Я киваю, потому что не знаю, что сказать. «Спасибо» звучит слишком формально, «я справлюсь» — как будто я защищаю себя от неё, а «мне страшно» — вообще нельзя.

Она протягивает мне конверт с пропусками и картой.

— Ну, Кэсси, добро пожаловать в Havenbrook.

И вот тут, когда она произносит моё имя, я впервые чувствую, что я действительно здесь. Не в дороге, не в машине, не в старой комнате, которую мы оставили позади. А тут. В новой школе. С новым расписанием. С новыми людьми, которые ещё не знают, кто я.

Первый урок — английский. Я нахожу класс, открываю дверь и замираю на пороге. В классе шум, все болтают, кто-то смеётся, кто-то спорит. И в этом шуме я сразу вижу его. Джейса Рида. Номер 19.

Он сидит у окна, в третьем ряду, и вокруг него — своего рода вакуум. Не потому что он один, а потому что все будто стараются не задевать его пространство. Рядом с ним — пустые места, хотя в классе тесно. Он откинулся на стуле, одна нога на сиденье соседа, в руке — телефон, но он не смотрит в экран. Он просто держит его, будто это якорь.

Я стою и смотрю на Джейса, и в голове крутится только одно: «Ну конечно. Именно он. Звезда школы, номер 19, парень, от которого все ждут идеальности, — и именно он оказался тут, когда дверь захлопнулась».

— Ты что, специально меня сюда загнал? — вырывается у меня прежде, чем я успеваю прикусить язык. — Ага, сидел в темноте и ждал, пока новенькая зайдёт, — саркастично бросает Джейс, отталкиваясь от вешалок. Он делает шаг вперёд, будто хочет подойти к двери, но тут же замирает: тут негде шагать. Гардероб тесный, забитый куртками, коробками, забытыми кроссовками. Мы буквально стоим нос к носу, только между нами ещё вешалка с чьим-то пуховиком.

— Я серьёзно. Тут кто-то точно нарочно закрыл. — А я не серьёзно? Тут каждый день кто-то что-то закрывает. Это Havenbrook. Тут даже шкафчики сами закрываются, будто школа живая и ей нравится всех доставать.

Я обхватываю себя руками. Без куртки тут прохладно, а ещё больше знобит от того, что я опять в центре чего-то, чего не хотела.

— Мне надо выйти. Меня мама ждёт. Она будет писать. И звонить. И... — И устроит панику, — заканчивает он за меня, и в его голосе вдруг не колкость, а какая-то усталая узнаваемость, будто он сам через это проходил.

— Да. Именно.

Он кивает, будто принимает это как факт, без насмешки. И впервые за весь день я не чувствую, что он смотрит на меня как на помеху. Просто как на человека, которому сейчас тоже не по себе.

Джейс дёргает ручку ещё раз, будто если дёрнуть сильнее, дверь поймёт, что мы не шутим. Потом стучит кулаком:

— Эй! Тут люди!

Тишина. Только где-то далеко слышен смех, шаги, хлопанье дверей — обычный школьный гул, который сейчас звучит как издевательство.

— Никто не слышит, — бурчу я, прислоняясь спиной к стене. Вешалка впивается мне в плечо, я отодвигаюсь, но деваться некуда.

— Тут стены толстые. Это бывший склад. Тут раньше хранили форму. — Откуда ты знаешь? — Потому что меня тут уже запирали. В прошлом году. После матча. Кто-то пошутил.

Я поднимаю на него глаза. И вдруг вижу не звезду с футболки, а парня, которому эта слава иногда просто мешает жить.

— И что ты тогда делал? — Сидел. Ждал. И злился. На всех. На тренера, на команду, на того, кто закрыл. На себя, что вообще сюда пошёл.

Мы молчим. И это молчание уже не такое острое. Оно просто есть. Как воздух, который тут, в этом тесном шкафу, становится общим.

— Знаешь, что хуже всего в первом дне на новом месте? — говорю я тихо, почти себе под нос.— Что?— Что ты ещё никому ничего не сделал, а на тебя уже смотрят. Как будто ты уже должен что-то доказать.

Джейс чуть склоняет голову, будто взвешивает мои слова. Потом хмыкает:

— А знаешь, что хуже всего, когда ты уже всё доказал? Что теперь ты должен это доказывать каждый день. Снова. И снова. И снова.

И вот тут я понимаю: мы не такие уж разные. Просто стоим по разные стороны одной и той же стены.

— Так что, Рид, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, а не жалко, — давай просто посидим. Пока кто-нибудь не вспомнит, что тут вообще есть гардероб.

— Давай, — отвечает он, и садится прямо на пол, прислонившись к коробке с мячами. Потом смотрит на меня и чуть пожимает плечами: — Тут не пять звёзд, но лучше, чем стоять.

Я сажусь напротив, оставляя между нами вешалку как маленькую границу. Не потому что боюсь, а потому что мне пока так спокойнее.

— Только не смотри на меня так, будто я сейчас заплачу, — предупреждаю я.— Не буду. Я вообще не мастер утешений.— Зато ты мастер забивать голы.— Это другое. Там я знаю, куда бить. А тут... тут я даже не знаю, что сказать.

И мы снова замолкаем. Но теперь это не тишина, которая давит. Это тишина, в которой можно выдохнуть.

Где-то в коридоре хлопает дверь. Чей-то голос звучит ближе. Потом снова удаляется. И снова тишина.

— Думаешь, скоро вспомнят? — спрашиваю я.— Думаю, минут через двадцать. Если повезёт.— Двадцать минут.— Или два часа. Тут как карта ляжет.

Я закрываю глаза на секунду. Просто чтобы не видеть вешалки, коробки, его футболку с номером 19. Просто чтобы увидеть что-то своё.

— Ненавижу быть в центре внимания, — бормочу я.— Тогда тебе точно не в Havenbrook, — усмехается он, но без злобы. Скорее как человек, который сам устал от этого центра.

— Я не выбирала.— Никто тут не выбирает. Просто однажды просыпаешься, а ты уже в этой роли.

И я вдруг понимаю: он не пытается меня подбодрить. Не говорит «всё будет хорошо». Он просто признаёт, что сейчас плохо. И от этого почему-то становится чуть легче.

Дверь щёлкает.

Мы оба вздрагиваем.

Ручка поворачивается. Дверь приоткрывается, и в проёме появляется миссис Харрис, директор. Она смотрит на нас, потом на вешалки, потом снова на нас.

— О. Так вот вы где. Простите, гардероб должны были закрыть на учёт. Никто не подумал, что кто-то зайдёт.

Джейс встаёт первым. Протягивает руку мне. Я беру её, и он тянет меня вверх — не резко, а так, будто понимает, что я ещё не готова стоять твёрдо.

— Всё в порядке? — спрашивает миссис Харрис.— Да, — говорю я.— Отлично, — говорит Джейс.

Но мы оба знаем, что «отлично» тут не про это. «Отлично» тут про то, что мы выбрались. Про то, что двадцать минут в тесном гардеробе не сломали нас. И, может быть, даже чуть-чуть что-то сдвинули.

Миссис Харрис уходит, оставляя дверь открытой, будто показывая: «Теперь вы можете выйти в большой мир».

Мы стоим на пороге гардероба, и коридор снова кажется огромным, шумным, чужим. Но уже не таким страшным.

— Ну, — говорит Джейс, глядя вперёд, туда, где снова начинается обычная школьная жизнь, — дальше каждый сам.— Каждый сам, — повторяю я.

Но когда я делаю шаг вперёд, он вдруг тихо добавляет:

— Если вдруг опять куда-то закроют... ты знаешь, где меня искать.

Я не улыбаюсь. Не хочу, чтобы это выглядело как флирт или как что-то большее, чем есть. Просто киваю:

— Спасибо.

И мы расходимся в разные стороны коридора.

Глава 2. Девятнадцать причин не смотреть на него.

Я шла по коридору новой школы, и каждый шаг отдавался внутри как лишний, чужой. Всё тут было не моё: слишком яркие шкафчики, слишком громкий смех, слишком много людей, которые знали друг друга ещё с детского сада и теперь смотрели на меня как на пятно на стене.

Скучала по прошлой школе. Там всё было понятно: свои коридоры, свои скамейки, свои правила. Здесь же я была как карта без координат. Одернув юбку, я чуть сильнее сжала лямку рюкзака и пошла дальше, вглядываясь в таблички на дверях. Кабинет 214. Где-то здесь.

Внезапно в меня кто-то влетел. Не просто задел плечом — врезался на полном ходу, как будто вообще не смотрел, куда бежит. Я пошатнулась, не успела удержать равновесие и упала на пол, больно ударившись локтем.

— Прости! — бросил парень, даже не остановившись. Только на секунду притормозил, бросил это «прости» через плечо и снова рванул вперёд, будто опаздывал на что-то жизненно важное.

Я осталась сидеть на полу, чувствуя, как в груди поднимается горячая волна злости. Не столько из-за падения, сколько из-за того, что для него я была просто преградой.

— Да чтоб тебя... — прошептала я, потирая локоть, и поднялась. Юбка снова сбилась, я одёрнула её, поправила волосы и выдохнула. Нельзя было стоять тут и злиться. Нельзя было показывать, что меня это задело.

Вышла на стадион рядом со школой. Перемена. На поле играли парни. Кажется, это была сборная колледжа — футболисты, высокие, быстрые, уверенные в каждом движении. Я в спорте не сильна. Никогда не понимала, как можно так легко перекидывать мяч, будто он сам летит туда, куда ты хочешь.

Я села на трибуны, подальше от всех, и уставилась на поле, но не видела ни игры, ни игроков. Просто смотрела, чтобы не думать о том, как глупо я выглядела на полу.

Через пару минут ко мне подошла одноклассница — кажется, её звали Лия. Она протянула мне стопку учебников.

— Держи, — сказала она, чуть улыбаясь. — Это тебе на первые дни. У нас тут программа жёсткая, но если втянешься — нормально.

— Спасибо, — я взяла книги, чувствуя, как они тянут руки вниз. — А где 214-й?

Лия махнула рукой в сторону школы:

— По коридору до конца, потом налево. Не пропустишь. Если что, я на третьем этаже, кабинет 307.

— Хорошо, — кивнула я. — Спасибо ещё раз.

Она улыбнулась и ушла, а я посидела ещё пару минут, глядя, как мяч катится по полю, и потом встала. Пора было возвращаться.

Когда я вошла в коридор, он снова был переполнен. Все куда-то бежали, смеялись, кричали, будто перемена была не для отдыха, а для того, чтобы успеть сделать всё сразу. Я шла, стараясь держаться ближе к стене, чтобы никто снова не врезался в меня.

И тут кто-то снова влетел в меня. На этот раз сильнее. Я не удержалась, пошатнулась и рухнула на пол, а все книги, которые мне дала Лия, разлетелись по коридору, как листья на ветру.

— Чёрт... — прошептала я, чувствуя, как к горлу подступает ком. Опять. Опять я на полу, опять все смотрят.

Я подняла голову, чтобы увидеть, кто это сделал, и наткнулась взглядом на крепкую мужскую грудь в белой рубашке с закатанными рукавами. Пришлось запрокинуть голову, чтобы разглядеть лицо незнакомца.

Он не выглядел виноватым. Наоборот — в его глазах мелькнула та самая ухмылка, будто он получал удовольствие от чужого падения.

Мне хотелось его ударить. Прямо по этой ухмылке, чтобы она исчезла.

— Мог бы и извиниться, — выпалила я, голос дрожал от злости.

Вместо извинений он наклонился, но не для того, чтобы помочь. Он схватил меня за предплечье, резко, без церемоний, и дёрнул вверх. Хватка была стальной — я даже не успела ничего сообщить.

— Ты что творишь?! — выкрикнула я, вырываясь, но он не отпустил.

— Замолчи, — коротко бросил он, и голос у него был не громкий, а такой, от которого мурашки бегут по коже. — Ты сейчас устроишь тут истерику, а мне это не нужно.

— Мне не нужна твоя помощь! — прошипела я, пытаюсь вырваться. — Отпусти!

Он даже не поморщился. Вместо этого он потащил меня по коридору мимо любопытных взглядов, мимо чьих-то смешков, мимо распахнутых дверей кабинетов.

— Куда ты меня тащишь?! — закричала я, уже не сдерживаясь. — Да кто ты вообще такой?!

— Тот, кто не любит, когда делают сцену, — процедил он, не замедляя шага. — И если ты сейчас не заткнёшься, я сделаю так, что ты вообще не сможешь говорить.

Это прозвучало как угроза. И самое страшное — я ему поверила.

Он толкнул дверь пустой аудитории и затащил меня внутрь. Дверь захлопнулась с глухим стуком, и шум коридора сразу стал далёким, чужим, будто мы оказались в другом мире.

Он отпустил меня, но только чтобы прижать ладонью к стене рядом с моей головой, не давая выйти. Его лицо оказалось слишком близко. Слишком.

— Слушай сюда, — сказал он тихо, и от этого тихого голоса становилось страшнее, чем от крика. — Я не собираюсь нянчиться с каждой новенькой, которая падает в коридоре и устраивает концерт. Ты упала. Бывает. Собери свои книжки и иди учись. Но не надо делать из этого трагедию.

— Не указывай мне, что делать! — выкрикнула я, стараясь не показать, как сильно дрожат колени. — Ты не имеешь права меня хватать!

— Имею, — отрезал он. — Пока ты в этом коридоре, ты мешаешь учебному процессу. А я не люблю, когда что-то мешает.

— Учебный процесс?! — почти рассмеялась я, хотя смеяться хотелось меньше всего. — Ты серьёзно? Ты в меня врезался, уронил мои книги, притащил сюда и теперь читаешь мне лекцию про учебный процесс?

— Я не врезался, — спокойно поправил он, будто это имело значение. — Ты сама не смотрела, куда идёшь.

— Да ты бежал как танк! — рявкнула я, и слёзы злости обожгли глаза, но я сжала зубы, чтобы не заплакать. — Ты вообще не смотришь по сторонам! Ты думаешь, весь мир должен расступаться перед тобой?

— Мир и расступается, — холодно ответил он. — И тебе советую научиться расступаться. Или хотя бы не падать каждый раз, когда кто-то проходит мимо.

Эти слова ударили сильнее, чем любой толчок. Потому что в них была насмешка, а я и так чувствовала себя неуклюжей, лишней, чужой.

— Знаешь, что? — процедила я, глядя ему прямо в глаза, потому что если я опущу взгляд, то точно сломаюсь. — Мне плевать, что ты там себе думаешь. Я не обязана быть удобной для тебя. Я не обязана улыбаться, когда в меня врезаются. И я точно не обязана стоять тут и слушать, как ты меня унижаешь!

Он чуть наклонил голову, будто изучал меня, как что-то странное и непонятное.

— Вот это уже лучше, — неожиданно сказал он. — Когда ты злишься, ты хотя бы становишься милее.

— Что?! — выдохнула я, чувствуя, как внутри всё кипит. — Ты издеваешься?!

— Констатирую факт, — спокойно ответил он.

— Какой ты... — я запнулась, потому что не могла подобрать слово, которое описало бы всю эту ядовитую смесь высокомерия и холодной уверенности. — Ты просто невозможный!

— Возможно, — согласился он, наконец убирая руку со стены, но не отходя ни на шаг. — Но невозможный я, а не ты. Так что запомни: не стой на дороге. Не устраивай сцен. И не смотри на меня так, будто я должен перед тобой извиняться. Я не буду.

— И не надо! — выкрикнула я, и голос сорвался. — Я вообще не хочу, чтобы ты ко мне приближался!

На секунду в его глазах мелькнуло что-то, похожее на раздражение, будто мои слова его зацепили. Но он тут же спрятал это за привычной маской холодной отстранённости.

— Тогда не стой у меня на пути, — тихо сказал он, и каждое слово звучало как предупреждение. — Потому что я не останавливаюсь. Ни для кого.

Он резко развернулся и вышел из аудитории, оставив дверь приоткрытой. Щёлчок замка прозвучал как финальная точка.

Я осталась стоять посреди пустой комнаты, чувствуя, как дрожат пальцы и как по щекам текут слёзы, которых я не хотела показывать. Книги лежали на полу, страницы были помяты, уголки загнуты. Я медленно опустилась на корточки и начала собирать их, одну за другой, будто каждая книга была щитом, который я могла поставить между собой и этим днём.

В коридоре уже стихло. Перемена заканчивалась, и все разошлись по классам. Я встала, прижала стопку учебников к груди, как будто они могли защитить меня, и вышла в пустой коридор.

Кабинет 214 был в самом конце. Я дошла до него, не глядя по сторонам, не замечая ни чьих взглядов, ни чьих-то шёпотов. Открыла дверь и вошла.

Учитель поднял голову, посмотрел на меня спокойно, без осуждения.

— Новенькая? — спросил он.

— Да, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Кэсси Линч.

— Проходи, садись на любое свободное место.

Я кивнула и села за первую попавшуюся парту у окна. Положила книги перед собой, провела пальцем по обложке учебника по истории, будто проверяя, что она настоящая, что всё это происходит на самом деле.

А потом я закрыла глаза на одну секунду. Только на одну. Чтобы выдохнуть.

У меня было девятнадцать причин не смотреть на Джейса Рида.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.